

Рони Старший

Гибель земли: Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С75

С75 **Старший Р.**
Гибель земли: Роман / Рони Старший – М.: Книга по Требованию, 2022. –
127 с.

ISBN 978-5-519-81187-3

ISBN 978-5-519-81187-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Большой Планетэръ“ находился на границѣ оазиса и пустыни, и передъ Таргомъ разстился зловѣщій пейзажъ: гранитъ, кремнеземы, металлы. Бесплодная равнина тянулась до отроговъ обнаженныхъ горъ, на которыхъ не было ни ледниковъ, ни потоковъ, ни стебелька травы, ни клочка моха. Среди этой мертвой пустыни жалкимъ пятномъ выдѣлялся оазисъ съ квадратными плантаціями и селеніями, выстроенными изъ металла.

Таргъ чувствовалъ, какъ тяготитъ его эта безграничная пустыня и безжалостныя горы. Онъ меланхолически поднималъ голову къ слуховому аппарату, протянувшему свой пріемникъ къ горной расщелинѣ. Онъ былъ сдѣланъ изъ латуни, но обладалъ чувствительностью сѣтчатки. Аппаратъ былъ урегулированъ такъ, что воспринималъ лишь звуки, приходившіе изъ дальнихъ оазисовъ, и заглушалъ тѣ, на которые Таргъ не долженъ былъ отвѣчать.

Таргъ любилъ этотъ аппаратъ, какъ эмблему тѣхъ рѣдкихъ приключеній, какія еще были доступны человѣческому роду. Въ печальныя минуты онъ стоялъ около него, ожидая словъ бодрости и надежды.

Звукъ человѣческаго голоса заставилъ его вздрогнуть. Онъ слабо улыбнулся, увидавъ гармонически сложенную дѣвушку, поднимавшуюся на платформу Планетэра. Ея черные волосы были распущены; она вся напоминала гибкій стебелекъ.

высокой травы. Таргъ глядѣлъ съ любовью на свою сестру. Только въ присутствіи Арвы онъ переживалъ тѣ внезапно являющіяся, очаровательныя мгновенья, когда ему казалось, что гдѣ-то въ глубинѣ земли таится чудесная энергія, которая спасетъ людей.

Арва крикнула съ сдержаннымъ смѣхомъ:

— Хорошая погода, Таргъ!.. Растенія наслаждаются.

Она вдохнула успокоительный ароматъ, исходившій отъ зеленой кожицы листьевъ. Три птицы, парившія надъ деревьями, спустились на край платформы. Онѣ были величиной съ былыхъ кондоровъ; формы ихъ тѣла по своему изяществу приближались къ прекрасному женскому тѣлу; ихъ громадныя серебристыя крылья отливали аметистомъ, а по краямъ имѣли лиловатый оттѣнокъ. У птицъ были большія головы и очень короткіе, изящные клювы, красные, какъ губы. Выраженіе ихъ глазъ походило на человѣческое. Одна изъ птицъ подняла голову и издала нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ. Таргъ съ тревогой дотронулся до руки Арвы:

— Ты поняла? — спросилъ онъ. Земля колеблется...

Въ теченіе послѣднихъ долгихъ лѣтъ ни одинъ оазисъ не погибъ отъ землетрясенія, и амплитуда сейсмическихъ записей сильно уменьшилась послѣ злобѣщей эпохи, когда землетрясе-

нія разрушили мощь человѣчества. Тѣмъ не менѣ Арва понимала и раздѣляла тревогу брата.

Ей пришла въ голову странная мысль:

— Кто знаетъ, — принесла она, — можетъ быть землетрясенія, причинившія столько зла нашимъ братьямъ, станутъ теперь благодѣтельными для насъ?

— Какимъ это образомъ?—спросилъ Таргъ съ снисходительной улыбкой.

— Они заставятъ воду вновь появиться на земной поверхности.

Таргъ самъ часто мечталъ объ этомъ, но боялся кому-нибудь признаться: такая мысль могла бы показаться нелѣпой и почти богохульной его собратьямъ, трепетавшимъ передъ всякими космическими пертурбаціями.

— Ты тоже объ этомъ думалъ!—возбужденно закричала Арва. Никому не говори объ этомъ!.. Ты оскорбишь ихъ до глубины души!

— Я могъ признаться въ этомъ только тебѣ одной.

Со всѣхъ сторонъ появились стаи бѣлыхъ птицъ. Тѣ три перыхъ, которыя находились около Арвы и Тарга, были въ большемъ волненіи. Молодой человѣкъ разговаривалъ съ ними, употребляя особенный способъ выраженій. По мѣрѣ развитія интеллекта, птицы начали усваивать начатки рѣчи: ихъ языкъ заключалъ лишь рядъ конкретныхъ терминовъ и фразы-образы.

Сознаніе будущаго оставалось у нихъ очень

смутнымъ; ихъ предвидѣніе—чисто инстинктивнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пересталъ употреблять ихъ въ пищу, онѣ жили въ полномъ счастіи, не сознавая неизбежности смерти и особенно—гибели всего ихъ рода.

Въ оазисѣ воспитывалось около 1.200 птицъ. Ихъ присутствіе было очень пріятно и полезно для людей. Человѣкъ не могъ вернуть себѣ инстинкта, утраченнаго въ эпоху господства, а условія момента ставили его лицомъ къ лицу съ явленіями, которыя предчувствовали лишь птицы и которыя совершенно не воздѣйствовали даже на очень точные приборы человѣка, перешедшіе къ нему отъ предковъ.

Если бы не было птицъ, этихъ послѣднихъ представителей царства животныхъ, сердца людей овладѣло бы горькое отчаяніе.

— Гибель настанетъ не сразу!—пробормоталъ Таргъ.

Глухой шумъ послышался въ оазисѣ. Около деревень и нивъ стали появляться люди. Къ „Большому Планетэру“ подошелъ коренастый человѣкъ; его массивная голова, казалось, лежитъ прямо на плечахъ. На лицѣ, цвѣта іода, видѣлись жалкіе, подслѣповатые глаза; короткія руки дѣлались къ концу плоскими и прямоугольными.

— Мы увидимъ конецъ свѣта!—проворчалъ онъ.—Мы будемъ послѣднимъ человѣческимъ поколѣніемъ.

Сзади него послышался замогильный смѣхъ.

Показался столѣтній Данъ со своимъ правнукомъ и женщиной, которая имѣла бронзоваго цвѣта волосы и продолговатые глаза. Она шла съ легкостью птицы.

— Нѣтъ, мы не увидимъ конца міра,—заявила она.—Гибель человѣческаго рода будетъ медленной... Вода все будетъ убывать, и наконецъ останется лишь одинъ колодезь и нѣсколько семей кругомъ него. Это будетъ ужасно!

— Мы увидимъ конецъ свѣта! настаивалъ коренастый человѣкъ.

— Тѣмъ лучше, сказалъ правнукъ Дана. Пусть хоть сегодня земля поглотитъ послѣдніе источники!..

На его очень худомъ лицѣ лежало выраженіе безграничной печали; онъ самъ удивлялся, почему онъ еще не прекратилъ своего существованія.

— Кто знаетъ, можетъ быть еще есть надежда! прошамкалъ старикъ!

Сердце Тарга забилося; онъ обернулъ на Дана свои глаза, горѣвшіе огнемъ юности и воскликнулъ:

— О, отецъ!

Но лицо старика стало уже неподвижнымъ. Онъ погрузился въ свои молчаливыя грезы и сталъ походить на кусокъ базальта. И Таргъ не высказалъ своей мысли.

Толпа, находившаяся на гриницѣ оазиса и пустыни, все увеличивалась. Нѣсколько аэроплановъ.

поднялось на воздухъ. Въ эту эпоху человѣку не надо было работать: ему оставалось лишь ожидать времени жатвы. Больше не существовало ни наѣдомыхъ, ни микробовъ. Люди, густо населявшіе тѣсныя пространства, внѣ которыхъ не могло существовать никакой органической жизни, вели успѣшную борьбу съ паразитами и одержали побѣду. Даже микроскопическіе организмы не могли сохраниться, такъ какъ они были лишены пространства, возможности безконечно перемѣщаться и видоизмѣняться и тѣхъ благоприятныхъ непредвидѣнностей и случайностей, которыя всегда являются лишь при наличности обширныхъ аггломераций.

Люди, кромѣ того, могли по усмотрѣнію распредѣлять воду и, такимъ образомъ, обладали непобѣдимой силой при борьбѣ съ животными, которыхъ они хотѣли уничтожить. Отсутствіе домашнихъ и дикихъ животныхъ, вѣчныхъ носителей эпидемій, еще болѣе приблизило часъ торжества человѣка. Человѣкъ, птицы и растенія навсегда избавились отъ инфекціонныхъ заболѣваній.

Однако это не удлинило ихъ жизни: много полезныхъ микробовъ исчезло вмѣстѣ съ другими, развились недуги, свойственныя человѣческому существу, появились новыя болѣзни, происхожденіе которыхъ можно было приписать „минеральнымъ микробамъ“. Затѣмъ внутри своего организма человѣкъ нашелъ враговъ, ана-

логичныхъ тѣмъ, которые угрожали ему снаружи. Хотя бракъ былъ привилегіей только наиболѣе сильныхъ, человѣкъ всетаки рѣдко доживалъ до пожилыхъ лѣтъ.

Вокругъ „Большого Планетэра“ скоро собралось нѣсколько сотенъ человѣкъ, но въ толпѣ не замѣчалось большого волненія. Несчастія, которыя пришлось претерпѣть нѣсколькимъ поколѣніямъ подрядъ, истощили у людей чувства ужаса и горя, которыя всегда идутъ на ряду съ сильными радостями и пылкими надеждами. У „Послѣднихъ Людей“ была ослабленная чувствительность и почти отсутствовало воображеніе.

Но толпа всетаки нѣсколько безпокоилась: нѣсколько лицъ были искажены испугомъ; всѣ заволновались еще больше, когда одинъ сорокалѣтній человѣкъ спрыгнулъ съ „движущейся машины“ и крикнулъ:

— Сейсмографы еще не показываютъ ничего... Землетрясеніе будетъ слабымъ.

— О чемъ намъ безпокоиться? — воскликнула женщина съ продолговатыми глазами. Что мы можемъ предвидѣть и что мы въ силахъ сдѣлать? Все идетъ по извѣчно намѣченному пути. Мы во власти невѣдомаго. Безконечно глупо разуживать о гибели, которой нельзя избѣжать!

— Нѣтъ, Эле, — отвѣчалъ мужчина, — это вовсе не глупо. Таково требованіе жизни. Если у людей хватитъ силъ безпокоиться, ихъ существованіе будетъ пріятнымъ въ теченіе еще долгаго

времени. Въ противномъ случаѣ, они будутъ мертвецами съ перваго дня рожденія.

— Пусть такъ и будетъ,—быстро произнесъ правнукъ Дана. Лучше смерть, чѣмъ наши жалкія радости и немощныя печали.

Пожилой человѣкъ опустилъ голову. У него въ сердцѣ, какъ у Тарга съ сестрой, все еще жила вѣра въ будущее, а его широкая грудь была еще крѣпка. Его ясный взоръ встрѣтился съ пылающими глазами Арвы, и онъ вздохнулъ съ нѣкоторымъ волненіемъ.

Тѣмъ временемъ и на остальныхъ секторахъ оазиса собрались группы людей. Благодаря слушательнымъ аппаратамъ („ондиферамъ“), расположеннымъ черезъ каждые 1000 метровъ, эти кучки людей могли свободно сообщаться другъ съ другомъ.

По желанію можно было слушать гулъ лишь одного округа или же сразу всего населенія. Аппаратъ точно заключалъ въ себѣ душу толпы и поэтому производилъ сильное впечатлѣніе на слушавшихъ.

Въ толпѣ поднялось настоящее волненіе, когда на слушательномъ аппаратѣ „Большого Планетэра“ зазвучала вѣсть, прилетѣвшая изъ оазиса „Красныя Земли“ и быстро распространившаяся съ одного „ондифера“ на другой. Извѣстіе гласило, что тамъ, далеко, не только птицы, но и сейсмографы указывали на подземные

толчки. Это подтвержденіе наступающей гибели заставило толпу тѣснѣе сжать свои ряды.

— Мано (тотъ самый сорокалѣтній мужчина, который говорилъ о сейсмографѣ) взобрался на платформу. Таргъ и Арва стояли блѣдные. Дѣвушка немного дрожала. Мано пробормоталъ:

— Оазисовъ немного и они занимаютъ небольшое пространство. Это должно насъ успокаивать. Очень мало вѣроятности, что они окажутся какъ разъ въ опасной зонѣ.

— Да,—подтвердилъ Таргъ,—тѣмъ болѣе, что нѣкогда они спаслись именно благодаря своему мѣстоположенію.

Правнукъ Дана услышалъ этотъ разговоръ и разсмѣялся своимъ зловѣщимъ смѣхомъ:

— А развѣ зоны землетрясеній не мѣняются періодически? Да и кромѣ того: достаточно небольшого, но вѣрнаго толчка, чтобы осушить наши источники.

Послѣ этихъ словъ, полныхъ мрачной ироніи, онъ удалился. Таргъ, Арва и Мано трепетали. Одно мгновеніе они молчали, потомъ Мано сказалъ:

— Зоны мѣняются черезъ очень большіе промежутки времени. Въ теченіе двухъ столѣтій по пустынѣ прошло нѣсколько землетрясеній. Они ничѣмъ не отразились на нашихъ источникахъ. Только оазисы „Красныхъ Земель“, „Западный“ и оазисъ „Опустошенія“ находятся въ сосѣдствѣ съ опасной областью...

Онъ глядѣлъ на Арву съ нѣжностью и восхищеніемъ: цвѣтокъ любви распускалъ свои лепестки. Уже три года онъ былъ вдовцомъ, и одиночество тяготило его. Онъ безропотно покорялся своей участи, хотя нѣжность и энергія толкали его на бунтъ. Законы со строгостью опредѣляли число браковъ и рожденій.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, Совѣтъ Пятнадцати вписалъ наконецъ Мано въ разрядъ тѣхъ, кто можетъ завести вторую семью: эта милость объяснялась здоровьемъ его дѣтей. Образъ Арвы жилъ въ душѣ Мано, окруженный сіяніемъ.

— Замѣнимъ наше безпокойство надеждой—сказалъ онъ. Вѣдь даже въ чудесную эпоху Воды смерть отдѣльнаго индивидуума была для него концомъ міра. Тѣ, кто сейчасъ населяютъ землю, подвергаются, каждый въ отдѣльности, меньшему риску, чѣмъ наши предки передъ эрой радіоактивности.

Онъ говорилъ нервно. Онъ постоянно отгонялъ прочь мрачную покорность судьбѣ, которая угнетала его соплеменниковъ. Слишкомъ сильная наслѣдственность, конечно, не позволяла ему долго избавляться отъ такого состоянія. Но во всякомъ случаѣ, онъ больше другихъ зналъ радость жить скоропроходящимъ мгновеніемъ.

Арва слушала его съ благожелательствомъ, но Таргъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что можно не обращать вниманія на будущность че-